

Комната для прослушиваний была не слишком большой — несколько столов, стульев, беспорядочно разбросанные сценарии. Обстановка оказалась настолько простой, что сложно было поверить, будто это пробы у известного режиссёра. Люди внутри тоже не выглядели особенно серьёзно. Когда Пэй Цинъи открыл дверь, он увидел четверых или пятерых человек: продюсера, режиссёра Цзян Лю, его помощника и педагога, отвечавшего за отбор.

Молодой человек очень привлекательной внешности небрежно облокотился на плечо Цзян Лю, они о чём-то разговаривали, но замолчали, едва заметив Пэй Цинъи.

— Здравствуйте, уважаемые господа. Я Пэй Цинъи, прошу прощения за беспокойство.

Сначала он постучал, дождался, пока на него обратят внимание, и затем вежливо поклонился.

Сидевший за столом мужчина средних лет тут же встал, его лицо озарила тёплая, радушная улыбка. Он поспешил усадить Пэй Цинъи и начал представлять присутствующих.

Цзян Лю был человеком, которого Пэй Цинъи часто видел в интервью, так что он не чувствовал себя незнакомцем. В жизни режиссёр выглядел так же, как и на экране — несколько отстранённым и холодным. После того как Пэй Цинъи вошёл, Цзян Лю лишь слегка кивнул, не проронив ни слова. А тот молодой человек, что небрежно опирался на него, был Чи Яньгэ, исполнитель главной роли в этом фильме. Его присутствие на пробах стало для Пэй Цинъи неожиданностью.

Продюсер, узнав, что роль предназначалась той самой жене третьего господина Шэня, которую так тщательно скрывали от публики, проявил к Пэй Цинъи повышенное внимание. Едва тот сел, продюсер принялся объяснять процедуру прослушивания, предложил время на подготовку и велел помощнику принести воды.

Поблагодарив, Пэй Цинъи опустил взгляд на сценарий. Эпизод, который предстояло сыграть, он уже выучил дома, поэтому особого волнения не испытывал. Он спокойно настраивался, погружаясь в эмоции персонажа, чтобы быстрее войти в роль.

Цзян Лю бросил взгляд на чрезмерно услужливого продюсера и, понизив голос, процедил:

— Ты так суетишься, будто это твоя жена пришла.

— Иди ты! Не носи ерунды! — Продюсер похолодел от этих слов. Хорошо, что Цзян Лю говорил так, не ведая, а в комнате не было посторонних. Если бы тот человек узнал... последствия были бы непредсказуемы.

— Это человек, которого прислал третий господин. Будь повежливее, не хмурься. Он же вкладывает в проект деньги! — предупредил он.

— Хм.

Цзян Лю выжал из себя этот звук, и его лицо, хмурое с самого начала, не прояснилось.

Он терпеть не мог таких протеже, которые пробивались в проект благодаря связям. Обычно они не блистали талантом, зато мастерски умели вести себя как звёзды. Когда семья Шэнь протолкнула в съёмочную группу Юй Аня, это уже было сверх меры. А теперь ещё какой-то новичок, никогда не снимавшийся, и сразу заявляет права на роль Чан Цина! Цзян Лю просто кипел от возмущения.

Юй Ань, по крайней мере, был популярен, имел армию поклонниц, и играл более-менее сносно. Но этот тёмная лошадка, чьё происхождение покрыто мраком, собирался воплотить образ, который режиссёр лелеял в душе как самый чистый и светлый. Это было совершенно неприемлемо. Лишь нежелание ссориться с Шэнь Цзюнем заставило Цзян Лю согласиться на пробы — после долгих уговоров продюсера. Но принимать этого новичка он не собирался. Лучше отказаться от съёмок, чем позволить испохабить Чан Цина.

Чи Яньгэ, не отрывавший взгляда от Пэй Циньби с самого его появления, внезапно вмешался в их тихую перепалку. Он хлопнул Цзян Лю по плечу и прошептал:

— Эй, а мне кажется, этот парень подходит. Оставь его, не выгоняй.

Цзян Лю дёрнул бровью, и голос его прозвучал мрачно:

— Хватит дурачиться.

Чи Яньгэ лишь задумчиво потирал подбородок, не сводя глаз с Пэй Циньби, который спокойно готовился к сцене, и время от времени поддразнивал режиссёра:

— Эй, великий режиссёр, следи за мимикой. Вдруг он окажется тёмной лошадкой?

Цзян Лю фыркнул. Хотя внешность новичка и соответствовала образу Чан Цина, для него важнее всего была актёрская игра.

— Режиссёр, уважаемые господа, я готов. Можно начинать.

Пэй Циньби, казалось, не замечал напряжённой атмосферы, возникшей из-за него. Почувствовав, что готов, он встал, отложил сценарий и обратился к присутствующим.

— Готовы? — Чи Яньгэ поднялся раньше продюсера и направился к нему с лучезарной улыбкой. — Тогда начинаем. Я буду твоим партнёром.

Цзян Лю с каменным лицом наблюдал, как Чи Яньгэ подходит, и бросил:

— Начинаем пробы.

Этот парень настоял на том, чтобы прийти на прослушивание, уверяя, что хочет увидеть актёра, которому предстоит играть с ним в паре, и что может быть полезен, помогая кандидатам в сценах. Но за всё утро, пока десятки человек сменяли друг друга, Чи Яньгэ даже не шевельнулся, наблюдая за выступлениями, словно бездельник, и уж точно никому не предлагал сыграть вместе.

Пэй Циньби стал первым, с кем Чи Яньгэ захотел работать. Но Цзян Лю знал его натуру — тот просто искал повод пофлиртовать.

Пэй Циньби удивился предложению Чи Яньгэ, но не подал виду, лишь кивнув.

Сцена, которую предстояло сыграть, была моментом, когда Чжао Цянь, похищенный и отказавшийся преклонить колени перед императором вражеского государства, был избит до полусмерти. Чан Цин, тайный телохранитель шестого принца, обученный медицине, под видом лекаря должен был лечить Чжао Цяня. Это была их первая встреча.

Актёрский талант Чи Яньгэ был очевиден, и Пэй Циньби уже видел его в других фильмах. Он был одарённым актёром, мгновенно входившим в роль. Едва Цзян Лю дал команду начать, Чи

Яньгэ тут же рухнул на пол, не обращая внимания на грязь. Мышцы его напряглись, он опирался лишь на одну руку, и та слегка дрожала под тяжестью тела. Даже в этой сцене, где он был повернут спиной, Пэй Цинъи ощутил, будто перед ним действительно тяжело раненный человек, балансирующий на грани жизни и смерти.

Хороший актёр действительно способен увлечь партнёра. Эмоции, которые Пэй Цинъи долго вынашивал, вырвались наружу. Он закрыл глаза, затем вновь открыл их, присел, словно снимая с плеча походную аптечку, и отставил её в сторону. Затем осторожно похлопал лежащего по плечу.

Движения его были бережными, будто он боялся задеть раны. Присев и разглядев повреждения, он невольно ахнул. Молодой лекарь спросил мягким и чистым голосом, похожим на журчание лесного ручья:

— Господин Чжао, как вы себя чувствуете?

— Кто?

Тело Чи Яньгэ дёрнулось от прикосновения, и Пэй Цинъи услышал сдавленный стон боли. Чи Яньгэ повернул суровое лицо, волосы его были чуть влажны от пота — будто от боли, вызванной резким движением. Взгляд его был настороженным и холодным.

Он скользнул глазами по Пэй Цинъи, словно отточенный клинок, готовый рассечь его на части.

Молодой лекарь, казалось, испугался этого взгляда, но затем сжал губы и принялся торопливо рыться в аптечке, выскивая мазь и бинты. Голос его звучал успокаивающе:

— Господин Чжао, не бойтесь. Я лекарь, которого прислали вас лечить. Ваши раны слишком серьёзны, промедление может стоить вам жизни. Позвольте мне обработать их?

— Лечить?

Чи Яньгэ рассмеялся, будто услышав нелепейшую шутку. Смех его оборвался, и холодный, насмешливый взгляд впился в лицо лекаря.

— Разве вы не жаждете моей смерти? К чему тогда лечение? Ах, да... Если я умру, они лишатся удовольствия пытаться меня и подрывать авторитет царства Юн.

Чан Цин смотрел на него в растерянности, на милом лице мелькнуло замешательство. Он опустил голову и вдруг проговорил:

— Простите... Я вас разгневал?

...

— Я не слишком умен, и если чем-то вас задел, прошу меня извинить. Я... я обработаю ваши раны, а потом должным образом принесу извинения, хорошо?

Слова его звучали так, словно виноват был он сам. Молодой лекарь извинялся искренне и серьёзно, и от этого Чжао Цяню стало даже немного стыдно.